

© 2007 г. А. А. ЛЕВИТСКАЯ

О ВИДОВОЙ НЕСООТНОСИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (ВЛИЯНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ И ИДИОЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ)

Видовую (перфективную) несоотнесенность приставочных глаголов в современном осетинском языке обуславливают, как показывает приведенный в статье материал, во-первых, значения определенных способов действия, не позволяющих представить данное действие как процессуальное (универсальный фактор); во-вторых, пространственно-ориентационные значения некоторых превербов, препятствующие выражению признака перцептивности – важнейшего контекстуального и ситуативного условия реализации функции процессности (идиоэтнический фактор). Несомненный интерес для общей и сопоставительной аспектологии представляют также выводы автора о типологическом сходстве процессов возникновения и развития категории вида в осетинском и русском языках.

Грамматическая категория вида, представленная оппозицией «глагол несовершенного вида (далее НСВ): глагол совершенного вида (далее СВ)», и грамматическая категория кратности, представленная оппозицией «глагол со значением однократного характера действия: глагол со значением политемпоральной повторяемости действия», образуют ядро функционально-семантического поля аспектуальности в современном осетинском языке [Левитская 1983: 59–32].

При соотнесении с ситуацией действия, повторяющегося в полном объеме в разные локально-временные промежутки, в осетинском языке во всех временах и наклонениях используется аналитическая конструкция 'глагол + частица -иу', которая противопоставляется тому же глаголу без частицы -иу, как не имеющему значения кратности, повторяемости действия. Никакого другого дополнительного лексического значения оппозиция не имеет. Противопоставление по данному аспектологическому основанию возможно в принципе для глагола любой семантики, следовательно, оно не может быть ограничено какими-то лексико-семантическими рамками. Аналитический способ выражения, в свою очередь, исключает сопротивление глагольной лексики по словообразовательным причинам, способствует неограниченным возможностям для выражения значения неоднократной (политемпоральной) повторяемости любого глагольного действия. С точки зрения функциональных соответствий можно сказать, что сфера употребления осетинской грамматической категории кратности соответствует неограниченно-кратному типу употребления русского НСВ (во всех вариантах). Если в русском языке неограниченно-кратное значение – это одно из основных значений несовершенного вида, то в осетинском языке произошло разделение, так сказать, на «сферы влияния» в обозначении характера протекания и распределения действия во времени между категорией вида и категорией кратности. Конкретно-процессному типу употребления русского НСВ (во всех его разновидностях) соответствует в осетинском языке сфера употребления НСВ, который представлен в видовой паре граммемой «приставочный глагол с аффиксом -цай-», противопоставляемой тому же приставочному глаголу без этого аффикса по аспектуальному семантическому основанию «направленность действия на достижение предела». По этому основанию противопоставляются все осетинские глаголы НСВ (бесприставочные в инфинитиве, бесприставочные глаголы настоящего, прошедшего и будущего времени и приставочные глаголы с аффиксом -цай) гла-

голам СВ (приставочным формам в инфинитиве, приставочным глаголам будущего и прошедшего времени). Наибольший интерес для общей и сопоставительной аспектологии представляют формы одного и того же глагола, обозначающие одно и то же действие как направленное на достижение предела и достигшее этого предела, например:

рацæйздæхын / возвращаться – раздæхын / вернуться;
фацæйфæлдæхын / опрокидываться – фæфæлдæхын / опрокинуться;
æрцæйцæун / спускаться – æрцæун / спуститься;
æрбацæйтулын / прикатывать – æрбатулын / прикатить;
сцæйисын / поднимать – сисын / поднять и т.п.

Приставочные глаголы с аффиксом *-цæй-* и те же глаголы без этого аффикса противопоставляются как видовые формы одной и той же лексемы, т.е. противопоставление отвечает требованию «эмансипированности от лексических различий» [Маслов 1978: 28] как самому важному критерию при доказательстве формообразовательного, чисто-видового характера видовой оппозиции. Глагольные образования с аффиксом *-цæй-* выражают либо конкретно-процессное, либо конативно-тендентивное значение [Левитская 2001: 29–30], которые интегрируются в единое, более общее значение недостижимости предела действием, направленным к достижению предела. Роль аффикса *-цæй-* в определенной мере соответствует роли русских суффиксов имперфективации *-ива/ыва-, -ва-, -а-*, см. [РГ 1980: 588–590]. Отличительной особенностью осетинского аффикса является то, что он имперфективирует лишь приставочные глаголы, тогда как с помощью русских суффиксов имперфективации регулярно образуются глаголы НСВ как от префиксальных, так и беспрефиксных глаголов совершенного вида: *атаковать – атаковать, дать – давать, бросить – бросать, обеспечить – обеспечивать* и др. [Там же: 590]. Кроме того, функциональная нагрузка аффикса *-цæй-* значительно меньше в сравнении с русскими суффиксами имперфективации, которые, как известно, обозначают как действия конкретно-процессные, так и многократные, поскольку являются одновременно и показателями многократности [Там же: 350–355]. Осетинский аффикс *-цæй-* имеет лишь одну функцию – показателя формы НСВ с конкретно-процессным значением (во всех его разновидностях).

Фактором объективной внеязыковой действительности, детерминирующим грамматическое противопоставление «совершенный вид/несовершенный вид» в осетинском языке, так же, как и в русском, является универсальный признак ограниченности/неограниченности развития действия во времени [Серенсен 1962: 184; Шелякин 1972: 102; Бондарко 2001: 54], однако конкретное отражение этого признака в семантической стороне грамматического строя осетинского и русского языков различно: в русском языке он выступает как обязательное указание на целостность/нецелостность [Маслов 1978: 32; Бондарко 1973: 14–15], в осетинском – на достигнутость/недостигнутость предела [Левитская 1983: 90–93]. Ю.С. Маслов подчеркивал, что «реальной основой, или семантической базой, видовой оппозиции совершенный : несовершенный вид (перфектив : имперфектив) в русском и других славянских языках является противопоставление достигнутость : недостижимость внутреннего предела глагольного действия. Но на уровне категориального значения, с учетом всех основных типов употребления в речи, аспектуальная «оценка», выражаемая СВ и НСВ, должна быть сформулирована иначе: СВ... изображает действие в его неделимой целостности, а НСВ... оставляет признак целостности/нецелостности невыраженным» [Маслов 1984: 15–16].

Квалифицируемые Ю.С. Масловым понятия предельности/непредельности как «реальная основа» и целостности/нецелостности как «категориальное значение» четко различал Л.П. Размусен как два момента исторической или логической последовательности в развитии видовых значений: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец – совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие как приготовление к достижению

цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков без обозначения целостности действия» [Размусен 1891: 379].

Совпадая в выборе одного и того же признака ограниченности/неограниченности действия во времени в качестве фундамента семантического «здания» видовой категории, сопоставляемые языки расходятся, как мы отметили выше, в особенностях преломления этого универсального признака и конкретного его выражения с помощью различных грамматических средств. С позиции определения Л.П. Размусена можно предположить, что процессы формирования видовых значений в русском и осетинском языках совпадают на первом историческом (или логическом) этапе, а затем расходятся на стадии дальнейшего развития вида как грамматической категории. Общим для грамматической категории вида в сравниваемых языках является и то, что она охватывает все глаголы: и в русском языке «всякий глагол подводится под категорию вида» [Виноградов 1972: 424], и в осетинском языке «вне вида не может выявляться значение глагола» [Козырева 1951: 8]. Выражение каждым глаголом видового значения (так же как и значения кратности в осетинском) носит регулярный, «принудительный», характер, является обязательным даже тогда, когда выражение видовых или кратных значений не является существенным для смысла данного высказывания, а различие вида оказывается «практически несущественным» [Маслов 1978: 28; Левитская 1983: 91–93, 121–122]. Общим для сравниваемых языков является и то, что образование глагола несовершенного вида с помощью имперфективирующих аффиксов и в русском, и в осетинском языке возможно не от всякого приставочного глагола, ср. [РГ 1980: 595–596; Левитская 1983: 63–70]. В обоих языках категория вида «является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений» [Виноградов 1972: 395], и вопрос о видовой соотносительности – это «всегда вопрос о единстве лексической семантики двух парных по виду форм и разнице их видовых значений» [Шелякин 1972: 222]. Причины видовой несоотносительности определенной части осетинских приставочных глаголов СВ следует, на наш взгляд, искать именно с позиций совместимости/несовместимости значений глаголов с грамматическими значениями и функциями того или иного вида. Этот принцип освещен в работах Ю.С. Маслова [Маслов 1948: 303–316; 1984: 48–65], раскрывшего лексико-семантическую базу проявления значений и функций русских видовых форм и обосновавшего «важность такого изучения семантики видов, которое выводит конкретные особенности видовых значений и видовых свойств рассматриваемых глаголов из особенностей их лексической семантики, т.е., собственно говоря, из некоторых объективных свойств самих обозначаемых этими глаголами действий» [Маслов 1984: 54–65]. Развивая идеи Маслова о том, что в подавляющем большинстве случаев причины видовой непарности кроются именно в семантике самих непарных глаголов, которая, отражая определенные объективные свойства соответствующего действия, оказывается несовместимой с грамматическим значением того или иного вида, многие авторы приходят к выводу, что «именно значения способов действия, а не какие-либо другие особенности глагольной семантики обуславливают аспектуально-грамматические свойства отдельных групп глаголов в русском языке: их видовую соотносительность/несоотносительность» [Шелякин 2001: 70; Зализняк, Шмелев 2000: 104–126 и др.].

В этой связи несомненный аспектологический интерес представляет ответ на вопрос о том, глаголы каких способов действия (далее СД) в современном осетинском языке отличаются видовой несоотносительностью и, в частности, не имеют имперфективных коррелятов? Какие универсальные и идиоэтнические аспектуально-акциональные значения¹ в осетинских приставочных глаголах СВ обуславливают невозможность пред-

¹ Акциональность мы вслед за М.А. Шелякиным понимаем как «относительно самостоятельные (полуграмматические, адverbиальной или атрибутивной природы) признаки глаголов, указывающие на формы / способы осуществления действия, т.е. формы / способы развития действия во времени [Шелякин 1972: 43].

ставления действия формами осетинского имперфектива с аффиксом *-цæй-* как длящегося, находящегося в процессе, *intra terminos*?

Исследованный нами материал подтверждает, что в осетинском языке так же, как и в русском [Шелякин 1983: 421; 2001: 79], не имеют видовой пары НСВ глаголы **длительно-ограничительного (пердуративного) СД**, характеризованного превербом *фæ-*. Например:

(1) Валько æфтæ фæлæууыд дзæвгар æмæ йын зын быхсæн уыд (325) // Валько так простоял довольно долго и начал уже терять терпение (259)²;

(2) Æфсарм дам нал ис! Æз ма царгæ царæнбонты сымахæн фæкуыстон (561) // Стыда в тебе нет!.. Я всю жизнь работал на вас (440) (в осет. букв.: «проработал»);

(3) Мад æмæ чызг та, иунагæй бæйзайгæйæ, мады сынтагыл бадтысты, афтæмæй фæкуыдтой боныцæхтæм (330) // А мать и дочь, оставшись одни, проплакали на материнской кровати почти до рассвета (263);

(4) Любкайи хъуыди хорз фæфынæй кæнын (471) // Ей надо было хорошо выспаться (370) (в осет. букв. «долго поспать»);

(5) Иу хъазахъхъаг идадз ус æм фæзылд дыууæ къуырийы дæргъы æмæ йæ фервæзын кодта (422) // Вдова – казачка в две недели выходила Туркенича (936) (в осет. букв. «проухаживала»).

Очевидная невозможность процессуализации семантики глаголов этого способа действия связана с «заключенной в них идеей ограниченности протекания определенными временными рамками» [Маслов 1984: 58]. При этом, по справедливому замечанию М.А. Шелякина, глаголы пердуративного способа действия «не поддаются имперфективации в связи с тем, что характеризуют действия не с точки зрения протекания в рамках ограниченного времени, а с точки зрения их временного количества, что сближает значение таких глаголов, с одной стороны, со своеобразной одноактностью (совершение действия как бы в один прием), а с другой стороны, с признаком суммарности» [Шелякин 2001: 72]. Это определение М.А. Шелякина в полной мере может быть отнесено не только к осетинским глаголам пердуративного СД, но и к глаголам осетинского ограничительного СД, характеризованного превербом *а-*, которые не образуют имперфективных пар, и так же, как и русский делимитативный³ СД, являются глаголами одновидового (перфективного) способа действия.

Ограничительный СД образуется от неопределенных (НПД) глаголов или глаголов с подвижной границей по отношению к предельности (ПД / НПД) при актуализации в них неопределенного значения. Например, от глаголов *ненаправленного движения - перемещения*⁴, содержащих сему многократности: *аленк кæнын / поплавать; арабыр-бабыр кæнын / поползать; побродить* и др. От глаголов *статального СД*: *абадын / посидеть; алæууын / постоять; адарын / подержать; агуырысхо кæнын / посомневаться* и др. От глаголов *многоактного СД*: *агуыр-гуыр кæнын / погременить; акæл-кæл кæнын / поохотать; арайын / полаять; ахъæрзын / постонать; адæйын / пососать; атилын / потрясти* и др. От глаголов *эволютивного СД*: *адзурын / поговорить; азарын / попеть; акафын / потанцевать; афыцын / поварить; алвисын / попрясти* и др.

² В статье приводятся примеры из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» на осетинском и русском языке. В скобках к примерам указаны страницы изданий, в соответствии с которыми цитируется текст (на русск. яз.: А.А. Фадеев. Молодая гвардия // Собр. соч. в семи томах. Т. 3. М., 1970; на осет. яз.: А. Фадеев. Æрыгон гварди. Дзæуджыхъæу. 1953).

³ «В русском языке все делимитативные глаголы не допускают образования имперфективных форм» [Шелякин 2001: 71–72, 80]. См. также [Зализняк, Шмелев 2000: 111–112; Маслов 1984: 58].

⁴ В осетинском языке глаголы движения-перемещения не противопоставляются как *однонаправленные / ненаправленные*. Значение *однонаправленности* или *ненаправленности* движения выявляется в контексте.

Как заметил Дж. Грубор, в глаголах ограничительного (делимитативного) СД речь идет только о значении временной завершенности протекания действия [Грубор 1962: 75]. Именно идея ограниченности протекания действия определенными временными рамками обуславливает невозможность представления этих действий как процессуальных. Глаголы осетинского ограничительного СД, так же, как и русские делимитативные глаголы, «никогда не подвергаются вторичной имперфективации» [Зализняк, Шмелев 2000: 112], хотя при этом некоторые русские глаголы делимитативного СД, в отличие от осетинских, «имеют тенденцию к превращению в видовой коррелят» [Там же].

Не поддаются имперфективации в осетинском языке и глаголы **начинательного СД**. Так же, как и в русском языке, идея начала действия выражается в осетинском посредством нескольких образовательных моделей. Этот способ действия характеризуется превербами *а-*, *ба-*, *ны-*, *с-*, *ар-*, *арба-*. Так, например, преверб *а-*, соединяясь с глаголами движения-перемещения при условии актуализации значения однонаправленности в контексте, указывающем на конечную цель движения, выступает показателем начинательности:

(6) *Æмæ сæ дыууæ дæр худгæйæ... азгъордтой цæхæрадонмæ* (486) // И они, смеясь..., побежали в сад (382).

Значение начинательности имеют и глаголы с превербом *ар-* в соединении с глаголами эволютивного и статального СД. Например:

(7) Сергей Левашов гитарае райста æмæ хæсты размæ модæйы чи уыд, ахæм фæсарæйнаг бостон æрцагъта (627) // Сергей Левашов взял гитару и заиграл какой-то модный перед войной заграничный бостон (491);

(8) Марина йæ чысыл лæппуимæ æрцарди хæринаггæнæны æмкъул чысыл уаты... (261) // Марина с маленьким сыном поселилась в комнате рядом с кухней (205) (в осет. букв. «начала жить»);

(9) Катяйы æрфæндыд лæппуйы йæ хъæбысмæ æрбалвасын, йæ зæрдæмæ æрбалхъивын æмæ йыл афтæ бирæ, бирæ фæхацын, æшпæт дунейæ дæр æй куыд бааууон кæна (704) // Ей захотелось подхватить его на руки, прижать к сердцу и держать так долго-долго, укрыть от всего света (552).

Преверб *ба-*, соединяясь с мультипликативными глаголами со значением звучания, света, цвета, движения, переводит эти глаголы в группу начинательного СД. Например: *базарын* «запеть»; *бауасын* «замычать»; *базмæлын* «задвигаться»; *баризын* «задрожать»; *бадыз-дыз кæнын* «задрожать, затрепетать»; *баджис-къус кæнын* «заколебаться»; *бадзæгъ-дзæгъ кæнын* «зазвенеть»; *бадзæнгæраг кæнын* «зазвонить»; *базыр-зыр кæнын* «затрястись, задрожать»; *бакæл-кæл кæнын* «захохотать»; *бакъæс-къæс кæнын* «заскрипеть, затрещать, заскрежетать»; *бакъуыззитт кæнын* «засвистеть»; *бакъыбар-къуыбур кæнын* «захрустеть, заскрипеть (зубами)»; *бардуаг кæнын* «зарыдать, заплакать, завопить, заголосить»; *басыр-сыр кæнын* «зашипеть», *басæр-сæр кæнын* «зашипеть (о шипучих напитках)»; *басым-сым кæнын* «засопеть»; *басыф-сыф кæнын* «зашелестеть»; *бахъар кæнын* «закричать» и др.

Как известно, в русском языке «не результативными являются глаголы начинательного, ограничительного, длительно-ограничительного СД» [Бондарко 1975: 63]. В осетинском языке значение результативности присутствует в глаголах начинательного СД, характеризованных превербом *ба-*. В этих глаголах значение начала действия и является по существу результатом, на достижение которого направлено действие. Эту группу глаголов можно выделить как **результативно-начинательный СД**.

Нет этого значения подчеркнутой результативности в осетинских начинательных глаголах, характеризованных превербом *с-*, образованных от неопределенных глаголов, обозначающих так же, как и глаголы с превербом *ба-*, так называемые «гомогенные си-

туации, не имеющие ни начальной, ни конечной фазы, отличной от срединной» [Зализняк, Шмелев 2000: 107]. Например:

(10) «Хуыцау, дауагъ бузыгъ, схъуыдатт кодта», – загъта Любка (475) // «Закудахтал, слава тебе господи», – сказала Любка (374);

(11) Туркенич Тюленины фарс куы фæци, уæд сеппæт дæр рогдæрæй суафдысты... (533) // После того, как Туркенич поддержал Тюленина, у всех на душе словно отпустило (478) (в осет. букв.: «все легче задышали»);

(12) Цалдæр æмыр цины хъæры фехъуысти, фæлæ съл алырдыгæй суасыдысты, сабыр, загъгæ (597) // Раздалось несколько приглушенных радостных возгласов, на них защикали (468);

(13) Уый фæстæ цæвын райдыдта немъцы артиллери, æмæ адæм понтоныл скатайсты (247) // Потом ударила немецкая артиллерия, на понтонах началась паника (195) (в осет. букв. «заволновались, забеспокоились»);

(14) Иууылдæр схорхор кодтой, сдзольгомолгъо сты, сæмдзæгъд кодтой, кафт фенцади... (629) // Все зашумели, задвигались, захлопали, танец прервался (435).

Как и в русском языке, в осетинском языке акциональные значения могут комбинироваться. Способы действия «не отделяются друг от друга какими-то устойчивыми перегородками и не составляют звеньев единой стройной системы... Один способ действия может накладываться на другой. В ряде случаев один и тот же глагол, выступая в разных значениях, принадлежит двум разным способам действия» [Маслов 1959: 188].

Так, например, значение начинательности может в осетинском сочетаться со значением интенсивности, что возможно и в русском языке, см. [Фетискина 1973: 72; Зализняк, Шмелев 2000: 110]. Сочетанием этих акциональных смыслов отличаются глаголы с приставкой *ны-*. Например:

(15) Тося Елисеенко æфта амонджынагъ ныхъхъыллест кодта, æмæ йæм сеппæт дæр фæкастысты æмæ ныххудтысты (556) // Тося Елисеенко завизжала с таким выражением счастья, что все оглянулись на нее и засмеялись (436) (в осет. букв. *ныххудтысты* «громко, от всей души засмеялись»);

(16) Сæ сæрмаæ цыдæр нызæлланг кодта сындаг, стæй уалейæ æркалди бырæттæ (92) // Что-то тихо треснуло и зазвенело над их головами, и сверху посыпался мусор (174) (в осет. букв. «сильно, громко зазвенело»);

(17) Фæлæ, ныр,... Матвей Шульга, чысыл-ма бахъæуа æмæ зæрдæрæдувæг фæсмонтæй ма ныхъхъæрза (441) // Но теперь... Матвей Шульга едва не застонал от мучительного сожаления (351) (в осет. букв. «громко, сильно застонал»);

(18) Ныууасыдысты фыццаг уасджытæ (378) // Запели первые петухи (301) (в осет. букв. «громко запели»);

(19) «Цæй, дæ хорзæхæй, бакæс исты!» – ныллæгъстæ кодта Жорæ (123) // «Ну, ей богу, прочти что-нибудь!» – взмолился Жора (98).

Глаголы с превербом *ны-* в значении интенсивной начинательности выделены нами в **интенсивно-начинательный СД**. С точки зрения взаимоотношений акциональной семантики данного способа действия с категориальным (конкретно-процессным) значением осетинского несовершенного вида очевидна невозможность образования имперфективной пары для глаголов со значением интенсивной начинательности. Значение начинательности сопротивляется идее процессуальности, так как в глаголах начинательного СД «выражается момент возникновения действия, первый временной момент его бытия... Начинательный СД характеризуется признаком одноактности, которая не допускает представления о процессуальности» [Шелякин 2001: 71, 79], см. также [Маслов 1984: 58; Бондарко 1975: 63–65; Зализняк, Шмелев 2000: 106]. Исследователи русских способов глагольного действия отмечают, что к факторам, обуславливающим одновидовой (перфективный) характер предельных глаголов, относится также и значение под-

черкнутой интенсивности действия [Шелякин 2001: 72]. Очевидно, что видовая несоотнесенность осетинских глаголов интенсивно-начинательного способа действия объясняется теми же, что и в русском языке причинами – влиянием определенных аспектуально-акциональных факторов. Значения «начинательности» и подчеркнутой «интенсивности» выступают как «препятствия» для имперфективации.

В глаголах, характеризованных превербом *æрба-*, значение начинательности дополняется значением «внезапности, неожиданности» действия: *æрбазыр-зыр кæнын* 'затрястись внезапно'; *æрбаниуын* 'зарыдать неожиданно'; *æрбарынчын уын* 'внезапно заболеть'; *æрбаймысын* 'моментально выдумать' и др.

Глаголы этой разновидности осетинского начинательного СД, выделяемые нами как глаголы **внезапно-начинательного СД**, не имеют имперфективной пары со значением процессности, поскольку кроме начинательности, «сопротивляющейся» процессуальности, еще и идея «внезапности», «неожиданности», «моментальности» начавшегося действия исключает возможность представления такого способа действия в процессе, в развертывании. Аналогичная картина и в русском языке. Ю.С. Маслов выделяет разряд глаголов «мгновенного, внезапного действия, часто неожиданного для говорящего или для лиц, о которых идет речь» как непарных глаголов совершенного вида: «здесь перед нами мгновенные, внезапные события, не могущие быть представленными как длящийся, растянутый во времени процесс, скачки, не поддающиеся процессуализации» [Маслов 1984: 57].

Как и в русском языке [Зализняк, Шмелев 2000: 118–120], не имеют имперфективных пар осетинские глаголы однократного способа действия. «Одноактность действия в широком смысле слова не допускает представления о процессуализации и является признаком, влияющим на одновидовой (перфективный) характер предельных глаголов» [Шелякин 2001: 71]. **Однократный СД** в осетинском характеризуется приставками *ны-*, *с-*, *фæ-*, *ба-*. Как правило, глаголы этого СД образуются от глаголов со значением итеративности или мультипликативности, причем каждая из приставок привносит в перфективируемый глагол какое-то дополнительное значение. Например, приставка *ба-* вносит значение подчеркнутой результативности.

(20) Фæлæ йæ Иван Федорович куыддæр бауыгъта йе уæхскæй æмæ йын ног хабартæ радзырдта, афтæ йæ хуыссæг æрбайсæфти (678) // Однако сон мгновенно слетел с него, как только Иван Федорович тряхнул его за плечи и передал ему свои новости (532).

Осетинский глагол не только обозначает однократный характер действия, но и подчеркивает результативность этого «акта» действия. Более выразительно эту особенность в семантике осетинских глаголов можно проиллюстрировать сравнением следующих примеров:

(21) Æмæ, чи зоны, цæмæн, Валяйы зæрдыл æвиппайды æрбалæууыди Сережкæ, бæгъæввадæй, æмæ йын йæ зæрдæ бариуыгъта амондджын фæлмæн рис, æмæ фæурæдтæ йа ныхас (555) // Валя вспомнила вдруг Сережку, худенького, босого и такая счастливая нежная боль пронзила ей сердце, что она замолчала (436) (русскому глаголу *пронзила* соответствует осетинский глагол *бариуыгъта*, что буквально означает «сильно толкнула», т.е. выбор осетинского эквивалента обусловлен именно присутствием в семантике осетинского глагола *бариуыгъын* «сильно толкать» подчеркнутого значения результативности, присутствующего в семантике леммы *пронзила*).

Подчеркнутое значение результативности в глаголах однократного СД, характеризованного приставкой *ба-*, еще более усиливает невозможность представления обозначенных ими действий как находящихся в процессе и, тем самым, еще более обуславливает их видовую (перфективную) несоотнесенность. Глаголы с приставкой *ба-* могут

быть выделены в особую разновидность однократного СД, в группу глаголов **результативно-однократного СД** [Левитская 1983: 42].

В глаголах с приставкой *ны-* значение однократности осложняется значением интенсивности, например:

(22) «Ма сай!» – ныхъхъæр кодта фыд æмæ йæ къухы тигъæй стъол ныххафт ласта (560) // «Не врать!» – взвизгнул отец и ударил ребром ладони по столу (440) (в осет. букв. *ныхъхъæр кодта* «громко крикнул»; *ныххафт ласта* «ударил с силой»);

(23) «Мах та цæугæ фæкæнæм»,... – загъта Олег æмæ йæ къæхты бынай ныуулаффыди. (78) // «А мы уезжаем», – сказал Олег и глубоко вздохнул (63) (в осет. букв. русскому *глубоко* соответствует *къæхты бынай*; а форма *ныуулаффыди* дополнительно указывает благодаря приставке *ны-* на интенсивность обозначенного действия – «вздохнул глубоко»).

В русском языке тоже возможна комбинация значений интенсивности и однократности действия, см. [Фетискина 1973: 72, 84], причем значение подчеркнутой интенсивности действия относится, как мы отметили выше, к факторам, обуславливающим *одновидовой* (перфективный) характер глаголов, см. [Шелякин 2001: 72]. В осетинском языке глаголы данной разновидности однократного СД, выделенные нами в разряд **интенсивно-однократного СД** [Левитская 1983: 44–45], тоже не имеют имперфективных форм.

Приставки *с-* и *фæ-* выступают показателями однократного значения, если соединяются с глаголами, обозначающими так называемые гомогенные ситуации, не имеющие ни начальной, ни конечной фазы, отличной от срединной [Зализняк, Шмелев 2000: 107], и при этом включающие в свой семантический потенциал возможность представления действия как многоактного или одноактного, многократного или однократного. Никаких дополнительных акциональных оттенков перфективируемым глаголам они не сообщают. Например:

(24) «Æз дзы схуыпп кодтон, – тарæрфыгæй сразы Валько, – фæлаæ йæ æххæстæй нæма банызтон» (247) // «Я уже испил, – мрачно согласился Валько, – да еще не всю чашу» (195) (в осет. букв.: «хлебнул»);

(25) «Æцаг, Валя уыцы мыггаг куы ской кодта, уæд Тося, цыма ахæмы нæ зоны, уыйау йæхи скодта» (554) // «Правда, когда Валя упомянула его фамилию, Тося прикинулась, что и не знает такого» (435);

(26) Чызг цырды фæзылди фæстæмæ æмæ зына-нæзына фестъæлфыди (141) // Она быстро обернулась и чуть вздрыгнула (111);

(27) «Хъус, бакæс-ма дзы исты, уарзондзинады тыххæй, нæ?» – æмæ Жора йæ цæст фæныкъуылдта майормæ (122) // «Слушай, почти что-нибудь любовное, да?» – и Жора подмигнул майору (97).

Приставка *æрба-*, соединяясь с итеративами или мультипликативами, образует *одновидовые* (перфективные) глаголы со значением неожиданной, внезапной однократности, например: *æрбакъæриц кæнын* «неожиданно, внезапно хлопнуть, ударить»; *æрбакъуыззитт кæнын* «внезапно свистнуть, просвистеть»; *æрбарахойын* «неожиданно уколоть, пырнуть»; *æрбасæрратт кæнын* «прыгнуть внезапно»; *æрбасæххæтт кæнын* «неожиданно облить, брызнуть водой на кого-либо» и др. Глаголы этой группы могут быть выделены в отдельный **внезапно-однократный СД**.

Как и в русском языке, акционально-аспектуальная семантика и однократности, и внезапности не допускает одновременного представления этих же действий как находящихся в процессе [Шелякин 2001: 71–72].

Большую группу *одновидовых* глаголов в современном осетинском языке составляют глаголы *общерезультативного* способа действия, часто характери-

зующиеся дополнительными аспектуальными признаками, как и глаголы специально-результативных СД в современном русском языке [Шелякин 2001: 75, 78].

Так приставка *a-* в соединении с так называемыми квалификативными глаголами⁵ обозначает действия подчеркнутой результативности (иногда частичной, неполной), зачастую с дополнительным значением быстроты действия. Например, с глаголами, имеющими значение наделения объекта цветовым или световым признаком: *аморае кæнын* «покрасить в коричневый цвет, сделать коричневым»; *аурс кæнын* «побелить, сделать белым»; *абур кæнын* «покрасить в желтый цвет, сделать желтым» и т.п.; или значение получения объектом / придания объекту новой формы, вида, состояния и т.п.: *абийын* «заплести»; *абæттын* «завязать»; *адасын* «сбрить»; *агуыбыр кæнын* «сгорбиться»; *алаггъз кæнын* «разгладить»; *аздыхын* «завить, скрутить»; *абæзджын кæнын* «уплотнить»; *азæронд кæнын* «состарить» и др.

Сюда же следует отнести и глаголы, действие которых совмещает значения «направленности на специальную обработку объекта и придание ему каких-либо свойств, признаков» [Шелякин 1972: 206]. Например: *алдыгъ кæнын* «подудить кожу»; *адæрзæг кæнын* «сделать жестким, шероховатым»; *азынг кæнын* «накалить»; *авдæлон кæнын* «опорожнить» и др.

Причем, в семантику осетинских глаголов приставка *a-* вносит значение именно частичной результативности, близкое к значениям таких русских специально-результативных СД, как смягчительный (аттенуативный) СД, обозначающий ослабленную, неполную степень проявления результативного действия (*побелить, подкрасить, надломить* и др.), и недостаточно-нормативный СД, выражающий результат действия, не отвечающий необходимой норме (*недоварить, недолечить, недоплатить* и др.). Как отмечает М.А. Шелякин, действия такого типа «не могут быть представлены в процессе их протекания» [2001: 77]. Специально-результативный способ действия, маркированный превербом *a-*, можно выделить как **частично-результативный СД**. Особенно наглядно эта особенность семантики осетинских образований с приставкой *a-* от глаголов вышеназванных лексико-семантических разрядов проявляется в сравнении с другими приставочными образованиями от глаголов этих же групп. Сравним: русскому глаголу *ослабеть* соответствуют осетинские глаголы: *аламæгъ уын*; *æрламæгъ уын*; *æрбаламæгъ уын*; *баламæгъ уын*; *нылламæгъ уын*; *сламæгъ уын*; *фæламæгъ уын*. Каждый из осетинских глаголов, кроме значения 'ослабеть', включает в свою семантику дополнительные акционально-аспектуальные характеристики: *аламæгъ уын* «ослабеть» с подчеркиванием незначительной степени интенсивности проявления признака 'ослабеть едва заметно, чуть-чуть'; *æрламæгъ уын* «ослабеть», подчеркнуто неполное нарастание признака 'слабый' в количественном отношении – 'ослабеть не до конца, не совсем, не полностью'; *æрбаламæгъ уын* «ослабеть внезапно, быстро, неожиданно»; *баламæгъ уын* «ослабеть» с выделением значения подчеркнутой результативности действия; *нылламæгъ уын* «ослабеть сильно», в значении 'обессилеть'; *сламæгъ уын* «ослабеть», подчеркнуто значение предельного нарастания признака 'слабый' в количественном отношении, полная исчерпанность процесса 'ослабеть полностью, до конца'; *фæламæгъ уын* «ослабеть», в значении 'стать слабее в сравнении с подразумеваемым исходным состоянием'.

К глаголам вышеобозначенных лексико-семантических групп, от которых образуется общерезультативный СД, относятся также и следующие разряды глаголов: глаголы эмоционального, волевого, психологического, речевого воздействия, предпринимаемого с целью вызвать определенные признаковые свойства или состояния у одушевленно-

⁵ Квалификативными мы вслед за М.А. Шелякиным называем глаголы со значением действий, «направленных на частичное изменение признаков свойств их объектов или субъектов, при котором возникают или должны возникнуть одновреотные отношения между признаком и предметом: предмет / объект или субъект / ... наделяется тем признаком, который называет данное действие» [Шелякин 1972: 205–214].

го объекта: *афхæрын* «обидеть»; *агуыппæг кæнын* «ошеломить»; *ацахуыр кæнын* «подучить» и т.д. К ним примыкают глаголы со значением речевого воздействия, предпринимаемого с целью вызвать представление о признаковых свойствах (обычно неблагоприятных) одушевленного объекта, например: *ацардауын* «натравить, подговорить»; *адаæм кæнын* «оклеветать» и др. Или оказать влияние на его поведение, например: *аппæлын* «похвалить»; *ацыбæл кæнын* «соблазнить»; *афидауын* «сговориться, помириться, просватать»; *афауын* «осудить, выразить неодобрение»; *ауынаффæ кæнын* «посоветовать»; *аудын* «повлиять, позаботиться» и др. Это же значение подчеркнутой результативности отличает и так называемые деструктивные глаголы, которые не имеют видовой имперфективной пары. Это глаголы со значением «воздействия с целью разрушения, полного изменения, порчи» или со значением «прекращения существования, уничтожения, расходования объекта или субъекта (*мять, колоть, рвать, ломать, трескаться, таять, гнить* и др.)» [Шелякин 1972: 208]. В осетинском это такие глаголы, как, например: *абазар кæнын* «распродать»; *азаууат кæнын* «опустошить»; *аиппæрд кæнын* «отделить»; *акæрдын* «покрошить»; *айсафын* «погубить»; *айсæфын* «исчезнуть»; *айсысын* «испариться»; *адих кæнын* «отрезать» и др.

Кроме названных лексико-семантических групп глаголов можно привести еще целый ряд глаголов с подвижной границей предельности / неопределенности, при соединении с которыми (при актуализации их предельного значения!) в приставочном глаголе выражается подчеркнутое значение результативности действия. Например: *абарын* «измерить, взвесить»; *аба кæнын* «поцеловать»; *авналын* «тронуть»; *агамаел кæнын* «насторожиться»; *агуыпп кæнын* «заглохнуть»; *азмаентын* «смешать»; *айгас кæнын* «оживить, вылечить» и др.

Не имеют также имперфективной видовой пары и приставочные глаголы со значением однонаправленного движения-перемещения (например: *абырын* «уползти, отползти»; *адавын* «отнести»; *агапп кæнын* «прыгнуть»; *айсын* «убрать»; *алидзын* «убежать»; *ацæуын* «уйти» и др.). Причем глаголы этой группы отличаются видовой (перфективной) непарностью даже при отсутствии такой акционально-аспектуальной семантики, которая могла бы служить объяснением причины несовмещения с идеей процессности и, тем самым, могла бы обуславливать их видовую несоотнесенность, как, например начинательность, внезапность, частичная результативность, интенсивность действия и т.д., о чем речь шла выше.

Отсутствие у перфективных глаголов движения-перемещения, образованных с помощью приставки *а-*, видовой пары с аффиксом *-цæй* объясняется действием других факторов, о чем будет идти речь ниже, при рассмотрении вопроса о видовой несоотнесенности глаголов движения-перемещения с приставками *а-*, *ба-*, *ны-*.

Что касается глаголов специально-результативных способов действия, характеризованных приставкой *ба-* и приставкой *ны-*, то в их семантике присутствуют такие акционально-аспектуальные значения, вносимые этими превербами, которые не допускают представления обозначаемых действий как процессных. Так, в приставочных глаголах с *ба-* значение подчеркнутой результативности сопровождается обычно «значением основательности действия с различными оттенками, из которых наиболее характерны такие, как полнота совершения действия, или интенсивность действия, или реализация его с помощью особого усилия, полная исчерпанность действия или его необратимость» [Цаболов 1957: 343–344]. Например:

(28) Валько цы фатеры æмбæхст уыд,... уым æвиппайды немъц баджигул кодтой (427) // Так квартира, где скрывался Валько,... внезапно подверглась обыску (340) (в осет. букв. «подверглась тщательному, основательному обыску»);

(29) Бацагур æмæ ссардзынæ. Æрмаст уый у сусæг хъуыддаг æмæ кæмæ фæнды ма цу (175) // Поищи и найдешь. Только это дело серьезное, ты к случайным людям не ходи (138) (в осет. букв. «поищи как следует, основательно»);

(30) «Катя, æнхъæлмæ кæсынаей байстадтæ?» (100) // «Заждалась Катя?» (80) (в осет. букв. «изнемогла в ожидании, истощила всякое терпение в ожидании»);

(31) Фæлæ-ма ды афæлвар, азæй-азмæ, бонæй-бонмæ, сахаты хуызæн, милуангай гектартæ зæхх бахуым кæнын, байтауын, хор бафснайын, банай кæнын (447) // А попробуй-ка ты из года в год, день за днем, как часы, миллионы гектаров земли вспахать, посеять, убрать хлеб, обмолотить (355) (в осет. глаголы, соответствующие русским *вспахать*, *посеять*, *убрать хлеб*, *обмолотить*, имеют дополнительное значение полноты действия, основательности, реализации его с помощью значительного усилия).

Очевидно, что оттенки подчеркнутой специальной результативности, вносимые приставкой *ба-* в семантику приставочных глаголов, образованных от предельных глаголов или от глаголов с подвижной границей ПД/НПД, при актуализации их предельного значения, не допускают представления соответствующих действий как процессных. Выделяемый в глаголах этого способа действия, обозначенного нами как **основательно-результативный СД**, акционально-аспектуальный смысл аккумулирует внимание на факте «особой результативности», т.е. на семантике, допускающей только форму совершенного вида. Эти значения близки значениям русских качественно-результативных способов действия [Шелякин 2001: 78].

Как отмечалось нами выше, самым ярким, главным акциональным значением приставочных образований с префиксом *ны-* является значение интенсивности, повышенной экспрессивности действия.

В глаголах, образованных от основ предельной семантики с помощью приставки *ны-*, обозначается полнота результата, полная исчерпанность действия, тщательность действия в сочетании со значением повышенной интенсивности и экспрессивности: *нылламарын* «выжать, отжать, выдавить (с силой)»; *ныххурх кæнын* «задушить, удавить (на смерть, с силой)»; *нынныхсын* «застрять (глубоко)»; *ныннамын* «утрамбовать (основательно)»; *ныссæттын* «сломать (грубо, совсем)»; *ныссæлын* «замерзнуть (очень)»; *ныххус кæнын* «иссушить (чересчур высушить)»; *ныххуылыдз уын* «промокнуть (до ниточки)»; *нызæгæл уын* «вцепиться (крепко)»; *ныффыдхуыз уын* «похудеть (очень сильно)»; *ныззыввыттытæ кæнын* «бросить, швырнуть (с силой)»; *нытътъанг уын* «растянуться (чрезмерно)»; *ныйирд кæнын* «озарить»; *ныттыхсын* «обнять, обвить (крепко)»; *ныссуйтæ уын* «запутаться, растеряться (вконец)»; *ныддæрæн кæнын* «разгромить, разбить наголову, в пух и прах»; *ныццæгъдын* «истребить, уничтожить (полностью)»; *ныххивын* «стиснуть, сдавить, прижать (сильно)»; *ныхгæнын* «закрыть (прочно, тщательно), закупорить»; *ныддис кæнын* «очень удивиться» и др.

Эта особенность семантики приставочных образований с *ны-* позволяет обозначить данный специально-результативный способ действия как **интенсивно-результативный СД**, отличающийся одновидовым (перфективным) характером, как и соответствующие русские специально-результативные СД (см. [Шелякин 2001: 72]), именно по причине выделения в семантике глаголов этого способа действия подчеркнутой интенсивности, эмоционально-экспрессивной окрашенности действия, что и предполагает повышенную сосредоточенность внимания «на факте как таковом, на факте в его неразложимой, не поддающейся развертыванию целостности» [Маслов 1959: 202].

В отдельный одновидовой (перфективный) специально-результативный СД выделены нами глаголы с приставкой *с-*, образованные от основ предельных значений, в которых значение достигнутого результата осложняется подчеркнутым значением окончательности действия, полной его исчерпанности в пределах допустимой (применительно к данному действию) нормы. Этот способ действия обозначен нами как **нормативно-результативный СД** [Левитская 1983: 47]. Приведем для сравнения следующие примеры: *срасыг уын* «напиться, опьянеть» – *ныррасыг уын* «опьянеть сильно»; *счъизи кæнын* «запачкать» – *нычъчъизи кæнын* «запачкать сильно»; *ссыгъдæг кæнын* «очистить» – *ныссыгъдæг кæнын* «вычистить основательно, тщательно» – *асыгъдæг кæнын* «почистить слегка»; *сбæрзонд кæнын* «поднять, возвысить» – *фæбæрзонд кæнын* «поднять выше относительного исходного состояния, положения» – *абæрзонд кæнын* «поднять слегка» – *ныббæрзонд кæнын* «поднять очень высоко, вознести»; *сбур уын* «пожелтеть» –

абур уын «пожелтеть слегка» – *ныббур уын* «пожелтеть очень сильно» – *фабур уын* «стать желтее относительно исходного состояния» и др.

С большой группой предельных глаголов со значением 'приобретать признак / надевать признаком, названный/-ым мотивирующим прилагательным', преверб *фа-* образует лексемы с общим семантическим компонентом: 'большая степень проявления признака в сравнении с его исходным проявлением, обозначенным производящим глаголом'. Например: *хус канын* «сушить» – *фахус канын* «подсушить»; *уазал канын* «остывать, мерзнуть, становиться холоднее» – *фауазал канын* «подмерзнуть, стать более холодным»; *къаддæр канын* «уменьшаться» – *фæкъаддæр канын* «стать меньше»; *чъизи канын* «пачкаться» – *фæчъизи канын* «стать грязнее»; *сырх канын* «краснеть» – *фæсырх уын* «покраснеть, стать более красным»; *даргъ канын* «удлиняться» – *фæдаргъ уын* «стать длиннее»; *фæлурс канын* «бледнеть» – *фæфæлурс уын* «побледнеть»; *хъæддых канын* «крепнуть» – *фæхъæддых уын* «окрепнуть, стать покрепче»; *фæкарз уын* «стать более серьезным»; *фæуæззау уын* «стать тяжелее» и др.

Глаголы данной лексико-семантической группы близки русскому *смягчительному* (а т т е н у а т и в н о м у) *СД*, выражающему «ослабленную, неполную степень проявления результативного действия: *подкрасить, примять, надломить* и т.п.» [Шелякин 2001: 76]. В отличие от русских глаголов *смягчительного СД* осетинские глаголы не только указывают на небольшую степень проявления признака, а подчеркивают, что эта степень проявления признака небольшая именно в сравнении с исходным состоянием данного признака. Данный специально-результативный *СД* можно обозначить как **сравнительно-результативный СД**. Специфика акционально-аспектуальной семантики глаголов данного способа действия более наглядно проявляется в одном ряду с глаголами других специально-результативных *СД*: **нормативно-результативного СД** (*с-*), **интенсивно-результативного СД** (*ны-*), **основательно-результативного СД** (*ба-*), **частично-результативного СД** (*а-*), а также с глаголами **моментально-результативного СД**, характеризованного превербом *æрба-*. Этот преверб, соединяясь с глаголами предельной семантики, вносит значение действия, совершившегося быстро, моментально, внезапно, неожиданно. Например: *æрбабур уын* «стать желтым быстро, внезапно»; *æрбазымаг канын* «наступить быстро (о зиме)»; *æрбамарын* «внезапно убить»; *æрбамой канын* «неожиданно выйти замуж»; *æрбафæллаын* «быстро утомиться»; *æрбафтын* «неожиданно оказаться, очутиться»; *æрбамæлын* «внезапно умереть»; *æрбамигъ канын* «быстро сгуститься (о тумане)»; *æрбасийын* «быстро замерзнуть»; *æрбамбийын* «быстро прогнить» и т.д.

Очевидна несовместимость акционально-аспектуальной семантики глаголов данного специально-результативного *СД* с идеей процессности: подчеркнутая неожиданность, непредвиденность, внезапность, моментальность наступления результата действия не допускает представления этих действий в течении, в развитии. Подобная картина наблюдается и в современном русском языке: глаголы с названными аспектуальными признаками являются одновидовыми, перфективными [Шелякин 2001: 72]. Важно отметить, что и в русском и в осетинском языке многие глаголы этого способа действия имеют эмоционально-стилистическую окраску: *æрбайсафын* «улетучиться»; *æрбамой канын* «выскочить замуж»; *æрбамæлын* «скончаться внезапно»; *æрбамæгуыр канын* «прикинуться бедным, прибедниться»; *æрбалабурын* «вломиться, ворваться»; *æрбахæлаф канын* «нахлынуть (о толпе)»; *æрбахæрын* «сжить со свету, сожрать» и др. Это обстоятельство также влияет на аспектологическую характеристику действия, а точнее, усиливает смысл, обуславливающий их одновидовой перфективный характер. Как отмечалось нами выше, любая стилистически окрашенная передача действия «сосредоточивает внимание на факте как таковом, на факте в его неразложимой, не поддающейся развертыванию целостности» [Маслов 1959: 202], вот почему глаголы с выраженными эмоционально-экспрессивными признаками обладают только формами совершенного вида [Шелякин 2001: 73].

Осетинские приставочные образования с префиксом *æр-*, образованные от глаголов предельной семантики, или точнее, от глагольных основ предельных значений, близки

по значению русским глаголам аттенуативного (смягчительного) СД⁶, которые выражают «ослабленную, неполную степень проявления результативного действия: *припудрить, наиграть (мелодию), застирать (пятно)* и т. д.» [Шелякин 2001: 76]. Например:

(32) *Æхсæвæй, бонæй – кæддæриддæр на къæхтыл, æрбадын амал дæр нын нæ уыд...* (86) // И днем, и ночью – все на ногах (69) (в осет. букв. «возможности присесть даже не было»);

(33) *Хур æй æртавта, æмæ йæ дарæсæй тæф уæлæмæ цæуы* (385) // Солнце пригревает его, и от одежды его поднимается пар (306) (в осет. букв. «пригрело»);

(34) *Толя Орлов æмæ Ваня фенцой кодтой Валодяйæн, Жорæ та йын йæ цыбыр хæлаф чысыл æрдæлæмæ кодта æмæ йын йæ бинт райхæлдта* (113) // Толя Орлов и Ваня поддерживали Володю, а Жора приспустил его трусы и разбинтовал его (90) (в осет. букв. «немного, слегка приспустил», причем это значение усиливается и наречием *чысыл* «немного»);

(35) *Гъе уыдæттæ барæны тæбæгътæй нуы æрластой дæлæмæ...* (180) // Все это перевешивало чашку весов за то, что нельзя целиком довериться Кондратовичу (143) (в осет. букв. «перевесили слегка, немного потянули вниз»);

(36) *Ваняйы фыд авиппайды æрсæсти, æмæ йæ урсдзагъд цæстытæ æрмынаг сты* (563) // Отец Вани вдруг сразу сломался, и белесые глаза его потускнели (442) (в осет. букв. *æрсæсти* «надломился»).

В осетинском языке глаголы с префиксом *ær-* со значением неполной степени проявления предельного действия имеют большую семантическую нагрузку, чем соответствующие им русские глаголы: они не просто указывают на неполную степень проявления действия, а содержат дополнительный смысл – подчеркивают незначительность проявления действия в количественном отношении, т.е. маркируют степень (объем) неполноты.

Наиболее наглядно эта особенность значения данной группы глаголов с приставкой *ær-* проявляется при сравнении с другими приставочными глаголами, производными от одной основы, но с помощью разных превербов. Особенно показательны примеры с глаголами, обозначающими процесс (действие) наделения признаком, например: *æталынг уын* «потемнеть слегка», *æрталынг уын* «стемнеть, потемнеть» в значении, близком русскому стуситься (о сумерках), *потемнеть* с неполным нарастанием признака; *æрбаталынг уын* «потемнеть внезапно»; *баталынг* «стемнеть» с подчеркнутым результатом 'стать темным'; *фæталынг уын* «потемнеть; стать темнее в сравнении с предыдущим, исходным состоянием».

Именно вот это значение «незначительности» проявления действия, его отмеченной количественными рамками неполноты, отличающее осетинские лексемы в сравнении с русскими эквивалентами, и объясняет, почему глаголы осетинского **смягчительного** СД, характеризованного превербом *ær-*, не имеют имперфективных видовых пар с аффиксом *-цæй-*, тогда как глаголы русского **аттенуативного** СД, «как правило, все образуют формы НСВ» [Шелякин 2001: 77].

⁶ Этот способ действия включен М.А. Шелякиным в группу количественно-интенсивных СД. Они «характеризуют ту или иную степень интенсивности в проявлении результативных действий, соответствующим образом отраженную на объекте или субъекте действия. Обозначение степени интенсивности, как и обозначение определенного объема, является дополнительным аспектуальным признаком, сопровождающим значение **общерезультативного** СД исходных глаголов» [Шелякин 2001: 76]. Количественно-интенсивные СД являются разновидностью количественно-результативных СД, представляющих собою большую группу специально-результативных СД русского глагола, включающих в себя также и качественно-результативные СД, и результативно-обстоятельственные СД [Шелякин 2001: 75].

Как известно, видовая парность распространяется на такие предельные глаголы, действия которых контролируются или наблюдаются с точки зрения целостной / нецелостной разновидности их проявления [Шелякин 2001: 71]. Если же в семантике глагола выделяется как акционально-аспектуальная доминанта идея незначительного в количественном отношении проявления действия, причем именно это значение подчеркивается как результат, то очевидна невозможность представления этого же значения в процессуальном плане, в течении, в развитии. Эти глаголы не поддаются имперфективации именно в связи с тем, что характеризуют действия не с точки зрения протекания в течение какого-либо ограниченного времени, в пределах какого-то объема или других параметров действия-процесса, а с точки зрения смыслового выделения идеи незначительного количества проявления действия, т.е. четко выделены рамки, ограничители обозначенной неполноты.

Большую группу приставочных глаголов с *æp-* составляют лексемы, в значении которых выделяется семантический элемент 'основательности, тщательности' [Багаев 1965: 287] результативного действия, или действия постепенного, основательного, иногда медленного, осторожного характера [Цаболов 1957: 342–343]. Например:

(37) Цалдæр боны даргъы лæппутæ фæуыгътой шрифты баззайæггæтæ, фæрæзонæй сыджыт сызмæнтгæйæ... æмæ афтæмæй æруыгътой шрифтæй цы баззад, уый (536) // В течение нескольких дней, терпеливо копаясь в земле, ребята находили остатки шрифта и выбрали все, что там было (421) (в осетинском варианте русскому глаголу *находили* соответствует форма *фæуыгътой* от глагола *уидзын* «клевать, собирать, выбирать», означающая букв. «выбирали в течение какого-то времени», а русскому глаголу *выбрали* – форма *æруыгътой*, подчеркивающая основательность, тщательность действия);

(38) «Ануварс æй кæнæм, лыстæг æм æркæсдзыстæм», – загъта Анатолий (402) // «Оставить, присмотримся», – сказал Анатолий (320) (в осет. букв. «внимательно, детально до мелочей изучим, приглядимся со всех сторон»);

(39) Лисичанскы цы æфсæдтæ уыд, уыдон фæстæмæ – фæстæмæ рацыдысты æмæ ам сæхи æрфидар кодтой (150) // А наши отошли, заняли тут оборону (119) (в осет. букв. «прочно, основательно укрепились, закрепились»);

(40) Сережка æвг æрлыг кодта алмасийæ æмæ йæ рафтыдта. Уыцы куыст кæнын хъуыд быхсгæйæ (649) // Сережка выдавил стекло... и вынул его. Работа эта требовала терпения (549) (в осет. букв. «выдавил [вырезал] старательно [осторожно, тщательно]») и др.

Глаголы с такой семантикой отнесены нами к **специально-результативному СД**, который не имеет абсолютно адекватной по содержанию параллели среди русских способов действия. С одной стороны, этот способ действия может быть сближен с русскими количественно-результативными СД, в частности с **тотальным СД**, имеющим значение «исчерпывающего распространения действия на весь объект или субъект» [Шелякин 1972: 439] и выражающим крайнюю степень интенсивности действия, проявляющейся в его рассредоточенном воздействии на весь объект или субъект. Глаголы данного способа действия «являются, как правило, одновидовыми, так как он соотносится с суммарно-интегративным значением СВ. Встречаются и редкие имперфективные формы, но со значением кратности: *изранить, исчерпать, исчертить, израсходовать; вытоптать, выпачкать* и т. д.» [Шелякин 2001: 77]. С другой стороны, глаголы данного осетинского специально-результативного СД сближаются с русскими качественно-результативными СД, характеризующими специфическую качественную эффективность в осуществлении результативных действий с помощью таких адverbиальных показателей, как «хорошо», «тщательно», «старательно», «как следует» и т.д. И все же, на наш взгляд, данный осетинский способ действия ближе к **осложненно-характеризующему СД**, выделенному М.А. Шелякиным в качестве отдельного качественно-результативного СД как «указывающий на тщательность и раздельность этапов выпол-

нения действия, на качественную эффективность каждого момента: тщательно выписать (буквы), вымерить расстояние и под.» [Шелякин 2001: 78].

Семантическая двойственность осетинских глаголов данного способа действия, одновременная близость их и к глаголам тотального СД, и к глаголам осложненно-характеризующего СД позволяет нам обозначить данный способ действия как **тотально-качественный СД** [Левитская 1983: 40]. Комбинация вышеотмеченных акционально-аспектуальных характеристик в рамках глаголов одного способа действия объясняет и их одновидовой (перфективный) характер.

Значение осетинских приставочных глаголов с префиксом *ра-* близко значению глаголов русского **распределительного (дистрибутивного) СД**, в которых дополнительно к значению достижения результата обозначается поочередное распространение действия на ряд объектов или исходящее от ряда субъектов: *поснимать, поморить, покусать, переломать, перебить, перетаскать* и т.д. [РГ 1980: 603]. Сравним:

(41) *Æмæ загъд райтыцта, Ваняйы хо Нина цъайæ дон куы' рбахаста æмæ Фомины марды хабар куы рафæзмыдта, стæй уыдæттæ фæдыл цытæ дзурынц, уый, уæд (560) // И гроза разразилась, когда сестра Нина, сходя по воду к колодцу, принесла слух о казни Фомина и то, что об этом говорят (439) (в осет. букв. «пересказала» [новость о смерти Фомина и все, что об этом / в связи с этим говорят]);*

(42) *Оля къамтæ райуæрста (346) // Оля сдала карты (275) (т.е. поочередно раздала каждому определенное количество карт) и др.*

Р.Л. Цаболов, один из первых исследователей осетинских глагольных приставок, определяет дистрибутивное значение осетинских глаголов с приставкой *ра-* следующим образом: «Глаголы с приставкой *ра-* характеризуют действие как происходящее в разных местах одновременно или в некоторой последовательности, с поочередным охватом большого количества объектов: *Равæрдтой* фынгтæ æмæ нæрт куывды бадынц Уырызмæджы хæдзары // *Расставили* столы и сидят нарты на пиру в доме Уырызмага; *Рамбырд кодтой се'дзæм мæрдты æмæ тигъæй фæфале сты // Подобрали* нарты своих безмолвных убитых и скрылись за уступами гор» [Цаболов 1957: 341].

Глаголы дистрибутивного СД в современном русском языке – всегда несоотносительные по виду, перфективные [РГ 1980: 604]. Как отмечает М.А. Шелякин, в глаголах **дистрибутивно-распределительного СД**, или **дистрибутивно-суммарного СД**, признаком, влияющим на одновидовой (перфективный) характер предельных глаголов, является «значение пантивной суммарности объективно многократного или длительного проявления действия... В глаголах данного способа действия подчеркивается значение итогового результата или итогового количества времени проявления действия, что соответствует только семантике СВ» [Шелякин 2001: 72]. Отмеченная М.А. Шелякиным особенность акционально-аспектуальной семантики русского **распределительного** способа глагольного действия со значением суммарного итогового результата выявляется и в глаголах осетинского **распределительного СД**, что, очевидно, так же, как и в русском языке, объясняет их видовую (перфективную) несоотносительность.

Таким образом, исследование особенностей семантики осетинских способов глагольного действия показывает, что так же, как и в русском языке, на взаимодействие с категорией вида, в частности на видовую (перфективную) несоотносительность осетинских приставочных глаголов, влияют такие, очевидно, универсальные акционально-аспектуальные признаки, как значение однократности (одноактности) действия; начинательности действия; неожиданности, непредвиденности, моментальности, внезапности наступления результата; временной ограниченности неопредельных действий; пантивной суммарности объективно многократного или длительного проявления действия; подчеркнутой интенсивности действия, его эмоционально-экспрессивной окрашенности, а также различные специальные оттенки (разновидности значения) результативности, представленные в способах действия сопоставляемых языков в разных комбинациях. Эти комбинации, по справедливому замечанию М.А. Шелякина, могут совпадать и отличаться не только набором денотативных значений, они специфичны в сигнификативном и экспрессивно-стилистическом отношении, что, несомненно, отражается на видо-

вых свойствах соответствующих глаголов [Шелякин 1972: 238]. Истоки универсальности вышеназванных акционально-аспектуальных признаков «коренятся в общих закономерностях отражения объективной действительности в человеческом сознании, т.е. в единстве мира и единстве его восприятия людьми в процессе их деятельности» [Бондарко 2001: 31]. Что касается различной степени обязательности и частотности выражения того или иного смысла при обозначении типовых ситуаций в разных языках, отражающих различную значимость отдельных категориальных смыслов для различных языковых картин мира, то эти различия можно считать проявлением своего рода языковой относительности в сфере грамматики. Категориальная видовая семантика и организация аспекттуальной системы задают определенные ракурсы видения ситуации и могут накладывать ограничения на возможные способы ее представления [Якобсон 1985: 231–238; Петрухина 2001: 61]. Как подчеркивал С.Д. Кацнельсон, «содержание языковых форм представляет собой амальгаму универсальных и идиоэтнических функций» [Кацнельсон 1972: 14].

Наши наблюдения над глаголами *perfectiva tantum* в осетинском языке будут неполными, если мы в связи с вышеизложенным не рассмотрим вопрос о видовой (перфективной) несоотносительности приставочных глаголов с префиксами *а-*, *ба-*, *ны-*, образованных от глаголов движения-перемещения.

Как отмечалось выше, в глаголах этой лексико-семантической группы (и тех групп, с глаголами которых приставки могут реализовывать пространственно-ориентационные значения), приставки не имеют акциональных значений, выполняют только функцию локальной ориентации, т.е. в кругу этих глаголов нет причин аспекттуально-акционального характера, препятствующих образованию от них формы с инфиксом *-цæй-*, имеющей конкретно-процессное значение. Тем не менее, имперфективация приставочных глаголов движения-перемещения с превербами *а-*, *ба-*, *ны-* невозможна.

На наш взгляд, невозможность выражения процессуального значения формами с приставками *а-*, *ба-*, *ны-* от глаголов движения-перемещения связана с отсутствием условий для выражения признака перцептивности (наблюдаемости) в глаголах движения-перемещения с приставками *а-*, *ба-*, *ны-*, отличающихся особым соотношением сем «место наблюдения» и «место протекания действия», существенным при реализации признака перцептивности [Бондарко 1983: 133].

Как подчеркивает А.В. Бондарко, признак перцептивности является важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции процессности в русском языке: «Процессное действие – это действие, воспринимаемое в процессе его протекания, действие наблюдаемое (или воспринимаемое на слух, осязаемое и т.д.). Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации процесса, наблюдателя (воспринимающего субъекта) и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия)» [Бондарко 1980: 14].

В осетинском языке признак перцептивности реализуется в приставочных глаголах движения-перемещения (и примыкающих сюда других лексико-семантических групп) с помощью пространственно-ориентационных значений приставок, кроме глаголов с приставками *а-*, *ба-*, *ны-*. Напомним еще раз пространственно-ориентационные значения приставок:

<i>а-</i>		наблюдатель внутри
<i>ра-</i>	движение наружу	наблюдатель снаружи;
<i>ба-</i>		наблюдатель снаружи
<i>æрба-</i>	движение внутрь	наблюдатель внутри;
<i>ны-</i>		наблюдатель наверху
<i>æр-</i>	движение вниз	наблюдатель внизу;
<i>с-</i>	движение вверх	без локализации наблюдателя;
<i>фæ-</i>	движение в любом направлении	без локализации наблюдателя.

Как можно заметить, локализация наблюдателя, соответствующая превербам *а-*, *ба-*, *ны-*, не дает возможности наблюдать развитие действия в направлениях, указываемых данными превербами:

а- – движение наружу / наблюдатель внутри;

ба- – движение внутрь / наблюдатель снаружи;

ны- – движение вниз / наблюдатель наверху,

т.е. момент фиксации процесса, воспринимаемого наблюдателем, не может быть выражен в этих приставочных образованиях в силу их локальной семантики, а точнее, в силу несоответствия локальной ориентации наблюдателя тому пространственному направлению действия, которое обозначается данными приставками.

И напротив, в приставочных образованиях с другими превербами условия для реализации функции процессности налицо:

ра- – движение наружу / наблюдатель снаружи;

æрба- – движение внутрь / наблюдатель внутри;

æр- – движение вниз / наблюдатель внизу;

с- – движение вверх / безотносительно локализации наблюдателя;

фæ- – движение в любом направлении / безотносительно локализации наблюдателя.

В глаголах с этими приставками локализация наблюдателя не противоречит условиям для реализации признака перцептивности действия и, тем самым, для обозначения процессности действия.

Установление факта зависимости видовой парадигмы у определенной части осетинской приставочной глагольной лексики от конкретной комбинации локально-ориентационных значений и значений пространственной линейной направленности действия не только объясняет причины ограниченного охвата группы глаголов движения-перемещения и некоторых других лексико-семантических групп оппозицией типа *рацæуын / выйти* – *рацæйцæуын / выходить*, но и во многом помогает понять механизм становления видового противопоставления в осетинском языке.

К кавказскому периоду истории осетинского языка («первые века н.э.») [Абаев 1977: 71] в нем развивается своеобразная, свойственная многим иберийско-кавказским языкам черта: выражать с помощью превербов пространственно-ориентационные значения. Формирование этой специфической особенности в осетинском языке – закрепление конкретных пространственно-ориентационных значений за определенными превербами – имело для осетинского языка, в особенности его грамматического строя, далеко идущие последствия. Особая роль в этом плане принадлежала приставочным глаголам движения-перемещения.

Обозначение в приставочных глаголах движения-перемещения позиции наблюдающего за действием субъекта в сочетании со значением предельности, свойственным осетинским приставкам, как и приставкам других индоевропейских языков [Маслов 1984: 17, 209–224], давало возможность отражать в языковых формах перцептируемые действия как достигшие конкретного результата, предела: при отдаляющей ориентации, т.е. при локализации наблюдателя в исходной точке действия, достигнутость предела воспринималась как начинательность; при приближающей ориентации, т.е. при локализации наблюдателя в конечной точке действия, достигнутость предела воспринималась как завершенность, реальная достигнутость окончания действия. Именно в кругу глаголов приближающей ориентации (т.е. когда совпадают пространственно-ориентационная локализация наблюдающего за действием и направленность действия) формируется логико-семантическая база для выражения признака перцептивности, появляется и реализуется потребность обозначения процессуальности действия, действия *intra terminos*. Роль эту берут на себя глагольные образования с *-цæй-*, которые обозначают действие вначале, по-видимому, как процессуальное только, а затем как стремящееся к достижению предела, направленное на достигнутость внутреннего абстрактного предела действия.

Предположение о том, что возникновение категории глагольного вида в осетинском языке стало возможным с развитием категории пространственной ориентации и фор-

мирование видовых значений в осетинском началось в кругу приставочных глаголов движения-перемещения в результате взаимодействия аспектуальных (предельность) и пространственно-ориентационных значений, очень важно с историко-типологической точки зрения. Как специально подчеркивается в коллективной монографии «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол», «необходимость выражения имперфективного значения возникла в кругу приставочных глаголов движения-перемещения, которые в позднем праславянском языке, равно как и в предписьменную эпоху развития древнерусского языка, составляли самую многочисленную группу глагольной лексики. Первоначально именно она была достаточно отчетливо дифференцирована по категориям определенности / неопределенности и предельности / неопределенности, на стыке которых и началось формирование видовых значений. Поэтому развитие категории имперфективности шло главным образом в этой сфере» [ИГРЯ 1982: 163].

Таким образом, и в русском (славянском) языке, и в осетинском (иранском) языке сходные лингвистические предпосылки явились базой для развития в обоих языках грамматической категории глагольного вида. Если в древнерусском языке «самая высокая и очевидная степень перфективации... представлена приставочными образованиями определенных глаголов движения типа 'нести'» [Ружичка 1962: 313], то, вероятно, и в древнеосетинском языке была сходная ситуация. В осетинском языке, так же, как и в русском [ИГРЯ 1982: 190–279], доминантой начального этапа развития категории глагольного вида было формальное и семантическое развитие несовершенного вида. Особый интерес для сопоставительной аспектологии представляет, на наш взгляд, и то, что если в современном русском языке «именно значения способов действия, а не какие-либо другие особенности глагольной семантики обуславливают аспектуально-грамматические свойства отдельных групп глаголов, – их видовую соотносительность / несоотносительность, неравночастотную соотносительность...» [Шелякин 2001: 70], то в современном осетинском языке, как показывает исследованный нами материал, не только значения способов действия, но и пространственно-ориентационные значения глагольных приставок обуславливают аспектуально-грамматические свойства глаголов, их взаимодействие с категорией вида, их видовую соотносительность / несоотносительность.

Таким образом, грамматическая видовая семантика выступает как «источник и хранитель языкового знания» [Бондарко 1998: 61], базируется на уходящих в глубь веков представлениях, которые выявляются с помощью концептуального и функционального анализа языковых форм, и обладает совершенно особенной значимостью для попыток пролить свет на интуитивные, когнитивные законы, формирующие особенности мышления, сознания, – как всеобщие, так и специфические для отдельной культуры [Петрухина 2001: 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1977 – В.И. Абаев. Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению. Орджоникидзе, 1977.
- Багаев 1965 – Н.К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. I. Орджоникидзе, 1965.
- Бондарко 1973 – А.В. Бондарко. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
- Бондарко 1975 – А.В. Бондарко. О видах русского глагола // Русский язык за рубежом. 1975. № 5–6.
- Бондарко 1980 – А.В. Бондарко. Об уровнях описания грамматических единиц // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980.
- Бондарко 1983 – А.В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Бондарко 1998 – А.В. Бондарко. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998.

- Бондарко 2001 – А.В. Бондарко. Лимитативность как функционально-семантическое поле // Теория функциональной грамматики. М., 2001.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Грубор 1962 – Дж. Грубор. Из книги «Видовые значения» // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Зализняк, Шмелев 2000 – А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- ИГРЯ 1982 – Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Кацнельсон 1972 – С.Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Козырева 1951 – Т.З. Козырева. Категория глагольного вида в современном осетинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951.
- Левитская 1983 – А.А. Цалиева [А.А. Левитская] Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
- Левитская 2001 – А.А. Левитская. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // ВЯ. 2004. № 1.
- Маслов 1948 – Ю.С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН СЛЯ 1948. № 6.
- Маслов 1959 – Ю.С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1978 – Ю.С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Маслов 1984 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Петрухина 2001 – Е.В. Петрухина. Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового значения // Исследования по языкознанию. К 70-летию чл.-корр. РАН А.В. Бондарко. СПб., 2001.
- Размусен 1891 – Л.П. Размусен. О глагольных временах и об отношении к видам в русском, немецком и французском языках // ЖМНП. 1891. Т. 275 [цит. по: Ю.С. Маслов. Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1984. С. 16].
- РГ 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Ружичка 1962 – Р. Ружичка. Глагольный вид в «Повести Временных лет» // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Серенсен 1962 – Х.К. Серенсен. Вид и время в славянских языках // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Фетискина 1973 – М.Д. Фетискина. К проблеме связи способов действия и видовой соотносительности // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.
- Цаболов 1957 – Р.Л. Цаболов. К истории осетинских превербов // Изв. Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Т. XIX.
- Шанидзе 1955 – А.Г. Шанидзе. Грамматика грузинского языка. Ч. I. Морфология. Тбилиси, 1955.
- Шелякин 1972 – М.А. Шелякин. Приставочные способы глагольного действия и категория глагольного вида в современном русском языке. Дис. докт. филол. наук. Л., 1972.
- Шелякин 2001 – М.А. Шелякин. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. М., 2001.
- Якобсон 1985 – Р.О. Якобсон. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.